

«Война принесла много горя, сломала много судеб»

Воспоминания малолетней узницы фашистских концлагерей Марты Петровны Гюнненен

« Родилась я в деревне Кошелево Павловского района. Сейчас это территория города Пушкина. Папу забрали на фронт сразу, а вскоре немцы заняли нашу деревню. Нас, маму, меня и сестричку Лауру, отправили в лагерь, который находился на стадионе города Гатчина. Потом мы оказались в эстонском лагере «Клоага».

Уже по пути в лагерь умирало много людей. Совсем ослабевших детей с парохода, на котором нас везли в Эстонию, выносили на носилках. У мамы на руках умерла моя младшая сестрёнка.

В лагере «Клоага» было много осиротевших детей, умирающих от голода. Нас с мамой, как финнов-ингерманландцев, отправили в Финляндию, в лагерь-распределитель «Ханко», а уже там мама попала в работники к местному жителю. Были у хозяина и другие невольники, все работали за еду с утра и до ночи.

Как мы плакали от радости, когда зимой 1944 года нас освободили и разрешили выехать на Родину. Радость освобождения быстро сменилась разочарованием и недоумением. Чем мы провинились перед Родиной? Почему нас признали неблагонадёжными? Многие из нас оказались в лагерях, других выслали в отдалённые районы страны.

Нас с мамой и других финнов в Выборге пересадили в теплушки, и мы оказались в Тверской области. Никто там нас не ждал. Зима: ни одежды, ни еды у нас не было. Нашли в снегу замёрзшую тушу лошади, разрубили на куски. Я ходила по людям, и просила милостыню. Люди делились последним.

Мама оформила документы, паспорт был со статьёй. Но даже с таким паспортом ей удалось устроиться на работу в подсобное хозяйство госпиталя. Даже комнатку в бараке нам дали. Мама стала разыскивать отца, пришла справка, что папа пропал без вести. Мне назначили пенсию, пять рублей.

После смерти Сталина нам разрешили вернуться на Родину. Приехали, нашего дома нет. Сказали, что «большой начальник» его разобрал, и перевёз на свою дачу. Скитались по знакомым, потом немного обжились и начали строить свой дом.

А спустя два десятка лет мы узнали, что папа жив. Он тоже разыскивал нас, ему ответили, что в войну мы были вывезены в Финляндию, и там наши следы затерялись.

Папа, как неблагонадёжный, был отправлен с фронта в тыл. Работал в депо, и, конечно же, был невыездным. У папы появилась другая семья, родилось двое детей.

И вот спустя много лет, он приехал навестить родные места. Встретился случайно с мамой. Им уже было по 53 года, была радость и слёзы. Мы рассказывали друг другу о том, как жили и как живём теперь. Показали папе его фотографию, которую мама бережно хранила. И снова все плакали. Папа хотел вернуться к нам, говорил, что его нынешняя жена ещё тогда сказала, если встретишь свою старую семью, возвращайся к ней. А мама ответила, что у тебя и там родные люди, возвращайся к новой семье. Нельзя и им принести в жизни горе. Папа уехал, они с мамой переписывались, приезжал отец и ещё раз.

Мама заболела и умерла, была последнее время печальная, часто плакала. Не могла пережить незаслуженную обиду. Вскоре умер и папа, я была на похоронах. Они были ещё совсем нестарые люди. Повидали в жизни много горя, пережили много незаслуженных обид.

Только 29 июня 1993 года вышло постановление Верховного Совета Российской Федерации «О реабилитации российских финнов». Ушло в прошлое то время, когда целый народ попал в немилость. Когда заработал закон о переселении ингерманландцев с родных мест в Сибирь, на Север и в Среднюю Азию, нам ещё повезло в том, что нашу семью отправили в ссылку недалеко, в Тверскую область. Война принесла много горя, сломала много судеб. Наша семья была обыкновенной советской семьёй. Родители честно трудились, не делали никому зла. Не важно, какой ты веры и национальности. Главное, чтобы ты был человеком!».

Подготовил Сергей Богданов

Опубликовано в газете «Комминфо» № 11 (860) 4 апреля 2019 г.